

Ячменникова, Н. Королевская колыбель [Текст] / Н. Ячменникова // Российская газета. – 2010. - 11 января (№ 1). - С. 8.

Исполняется 50 лет Центру подготовки космонавтов.

Что довелось испытать космонавтам первого, гагаринского набора? Почему сигареты и пиво были для них под запретом? Кто выстраивал очередь на полеты к звездам? Об этом корреспондент "РГ" беседует с дважды Героем Советского Союза, летчиком-космонавтом Борисом Волиновым.

Папироса в рукаве

Российская газета: Борис Валентинович, сколько человек осталось сегодня из первого отряда?

Борис Волинов: Четверо. Мы пришли в отряд в один день с Юрием Гагариным, 7 марта 1960 года. Сначала нас было 12 слушателей, к июню стало 20. По хронологии: космонавт номер 1 - погиб, второго и третьего космонавтов - Германа Титова и Андрияна Николаева нет уже давно. Недавно ушел четвертый - Павел Попович.

Пятый был Валерий Быковский, одиннадцатый - Алексей Леонов, четырнадцатый - Волинов и двадцать первый - Виктор Горбатко. Всем уже исполнилось 75 лет. Больше живых из первого набора летчиков-космонавтов не осталось.

РГ: Правда, что поначалу ЦПК помещался лишь в крошечном здании, где были и управление, и столовая, и учебный корпус?

Волинов: Расскажу. На этом месте, где мы сейчас, тогда вообще был только лес. Мы прибыли в Москву. Там часть небольшого 2-этажного здания в районе метро "Динамо" была отдана под классы. Холостяков поместили здесь же.

РГ: Вас тоже?

Волинов: Тоже. У меня уже была семья, сыну 2 годика. Но жену на всякий случай отправил домой. Потому что не знал, какие будут условия, где будем работать. В Москве или на Кушке, или еще где. Все же секретно. Мы

знали одно: предстоит испытательная работа на летательных аппаратах, которые "ходят" на больших скоростях. Но не знали, что в космонавтике.

РГ: Режим был строгий?

Волынов: Строгий. В 7 утра - зарядка, занятия заканчивались в 18 часов 12 минут. Но многие задерживались: надо было еще почитать материалы. А они все закрытые, секретные. Поэтому только на служебной территории. Вот тебе папочка, сидишь в классе и читаешь. Если конспектируешь, то тоже только в секретной тетрасточке.

РГ: А правда, что курировавший от ВВС космос Николай Петрович Каманин сам не курил и другим не разрешал?

Волынов: Было такое.

РГ: Вы не курили?

Волынов: Курил, в рукав. Валерка Быковский тоже курил.

РГ: А со спиртным не легче было?

Волынов: Не легче.

РГ: Поэтому так сурово обошлись с Григорием Нелюбовым, который погорел на кружке пива?

Волынов: Там все сложнее. Нелюбов вроде бы шел как третий на полет, после Гагарина и Титова. Тогда ведь выделили первую "шестерку", куда попал и он, а также еще Николаев, Попович и Быковский.

РГ: Насколько я знаю, в "шестерку" отбирали тех, у кого рост был не выше 1 метра 70 сантиметров?

Волынов: Да. У меня, к примеру, рост 172. Так вот у Гриши подкачало здоровье: у него, к сожалению, была неудача сначала на центрифуге, а потом в термокамере. В термокамере он потерял сознание на моих глазах: при температуре 80 градусов отсидел 50 минут, больше не выдержал. Это для медиков серьезно. И он перестал котироваться как очередник.

А потеря статуса играет большую роль. Влияет на психику. И, я думаю, после этого он себе начал разрешать некоторые вещи. Выпили-то они немного. Но Нелюбова и еще двоих зацепил патруль, дошло до скандала. Все

это выскочило на самый верх. Там врубили сходу, и возврата уже не было.

Десять суток изоляции

РГ: Тогда было совершенно неизвестно, как поведет себя организм в космосе. Поэтому вас на испытаниях гоняли в хвост и в гриву?

Волынов: Ага. В той же термокамере сидели и час, и больше. Это было уже на грани.

РГ: Страшные вещи приходилось читать и про сурдокамеру, где будущие космонавты сутками находились в полной изоляции. Вы туда, кажется, вошли вторым?

Волынов: Точно. Это было в 1960 году после парашютной подготовки. Позади 35 прыжков. Всем дали отдышаться, 2-3 дня отпуска. А меня раз - и в сурдокамеру, вслед за Быковским.

Представьте: небольшая металлическая барокамера. Все заставлено банками, склянками, едой... Стоит кресло авиационное. Спинку отбрасываешь для сна - и встать уже невозможно, нет места для ног. Когда спинка вертикально, можно "развлекаться" - зарядку делать, бегать, прыгать. Но на одном месте. Я сидел десять суток. Валерий тоже.

РГ: Валентин Бондаренко из первого отряда погиб именно в сурдокамере?

Волынов: Он погиб из-за собственной неосторожности. Это было уже в конце, когда почти все прошли.

РГ: Говорят, галлюцинации возникали?

Волынов: О психологических срывах рассказывали психологи. Но это были американские данные.

РГ: Кстати, а почему космонавт Шонин говорил, что парашютные прыжки были одними из самых сложных этапов подготовки?

Волынов: Потому что летчики не любят прыгать с парашютом. Вообще. Могу сказать, что до прихода в отряд у меня, летчика-истребителя, за пять лет было только пять плановых прыжков. С нами занимался полковник Никитин Николай Константинович, испытатель средств спасения. У него

было самое большое количество катапультирований в реальных условиях. Ему дали месяц, чтобы научить нас прыгать. И научил. После 35 прыжков каждый из нас стал почти инструктором.

РГ: На одном из снимков 1962 года, где вы с Николаевым, Поповичем, Гагариным, Быковским и Титовым, обратила внимание: у всех непривычно высоко стриженные затылки. Почему?

Волынов: А здесь датчики для энцефалограммы стояли. Иначе пятаки надо было вырезать.

Когда трещат позвонки

РГ: Правда, что космонавтов привлекали к испытаниям космической техники?

Волынов: Правда. Допустим, полетное кресло "Казбек", на котором и до сих пор летают экипажи, мы испытывали вместе с Володией Комаровым. Готовилась бетонная подушка. Потом брался сегмент корабля, на нем укладывались плиты из свинца, чтобы сымитировать вес. На эту площадку устанавливалась ферма, а на нее - сиденье. Укладывался человек. На кране вся эта конструкция поднималась на полтора-два метра. А потом - отпускалась в свободное падение. Удар - на бетонную подушку.

РГ: И как?

Волынов: Все обрывалось внутри. Но, слава богу, у нас закончилось благополучно. Хотя у некоторых испытателей трещали позвонки.

РГ: Борис Валентинович, вы первый, кто испытал на себе и баллистический спуск. Перед вами разбился Владимир Комаров. Когда корабль повел себя не так, страшно было?

Волынов: Конечно. Но этим чувством нужно уметь управлять. Не боится только душевнобольной. Но там ведь был не только баллистический спуск: корабль кувыркался "голова-ноги". Кругом - плазма. Картина в иллюминаторе еще та: розовые жгуты раскаленного газа.

РГ: Последствия для вас были жуткие: перелом корней зубов. А медики вообще говорили, что вы уже никогда не сможете полететь в космос, потому

что еще ни один человек на Земле не перешагивал такой психологический барьер.

Волынов: Они говорили, что я и к рейсовому самолету не подойду. Для полноты могу сказать: с левой стороны на стенке рядом с головой крепился небольшой магнитофончик. Пока шла вся эта круговерть, я вел репортаж. Что и как происходило. А удар при приземлении был такой силы, что магнитофон оторвался и полетел, как снаряд. Повезло, что мимо. Стеклашки посыпались с приборной доски. Ну и полетели корни зубов.

РГ: Вы перенесли перегрузку в 9 g?

Волынов: Да нет, поболее. Надо сказать, при подготовке на центрифуге весь первый отряд прошел перегрузки 10 g. Что это значит? Вес увеличивается в десять раз. Руку от кресла не поднимешь. При 12 g веки уже не справляются, глаза сами закрываются. Потом все это отменили: ограничились тем, что необходимо - 8 g. Решили, что перебарщивать не нужно.

Почему? Например, на испытателях доходили уже и до 19 g. Специально. Это предел человеческих возможностей. Но не учли одного: однажды во время запуска случилась авария и космонавты вместе с кораблем пошли вниз по резко крутой траектории. Приземлились в горах Алтая. Так там была перегрузка 21 единица. И живы остались.

РГ: Как вы восстанавливались?

Волынов: Сложный процесс. Я еще месяца два во сне все в аварию попадал.

Дубль восемь

РГ: Правда, что вы восемь раз были дублером?

Волынов: Да, всего у меня было 8 подготовок. Хотя раньше психологи считали, что если человек 2 раза отдублировал, то третий раз - уже под вопросом.

РГ: Это очень тяжело - быть дублером?

Волынов: Тяжело. В 1969-м после полета меня списали с летной работы.

Каманин, чтобы использовать мой опыт, а мы все к тому времени закончили академию Жуковского, назначил меня командиром отряда слушателей-космонавтов. Я перелопатил всю подготовку. Сделал так, как учили в академии: взял ту технологию, но насытил программу нашими делами. Тогда, например, не практиковались полеты слушателей на Байконур. Мы слетали. Вместе с ними и сам готовился. В результате через год снова прошел медкомиссию. Был допущен к полету.

РГ: Каждый космонавт это априори сильная личность. Стычки случались?

Волынов: Случались. Почему? В мелочи вдаваться не буду.

РГ: Зависть у тех, кто не летал, была?

Волынов: Конечно. Это же естественное дело.

РГ: Скажите, а кто определял очередность полетов? Рассказывают, что страсти разгорались нешуточные. Известно, допустим, что Каманин не хотел пускать Феоктистова.

Волынов: Он правильно делал. У Феоктистова было не все в порядке со здоровьем. Это объективные вещи. На Каманина надавил Королев. Для Сергея Павловича было важно переступить некоторые критерии жесткости, которые предъявляли ВВС. Он говорил: гражданские тоже должны летать.

РГ: А вот когда вы были уже командиром отряда космонавтов, очередность от кого зависела?

Волынов: От государственной комиссии, я считаю. Здесь, конечно, много факторов. В том числе не снимаю и такой: оказаться в нужное время в нужном месте. Но главное, на мой взгляд, как ты себя проявишь. Зависит от твоей готовности, твоих возможностей, твоего организма.

Сушите скафандр

РГ: Ваш второй полет на "Салюте-5" тоже оказался драматическим?

Волынов: Было дело. На 42-е сутки полета на ночной стороне орбиты произошла авария, станция выключилась полностью. Темнота. В невесомости где верх, где низ - не поймешь. Только сирена завывает. Но

ничего, где-то за час сорок разобрались. Восстановили станцию. Вот только после этого у моего напарника начались серьезные проблемы: перестал спать, дальше пошли мощные головные боли, полная потеря работоспособности. Пришлось выполнять функции и командира, и бортинженера. На земле два раза заседал консилиум врачей. Было принято решение: прекращать полет и садиться.

РГ: Вы садились на 49-е сутки?

Волынов: Я просил еще дать хотя бы пять суток. Тогда мы садились бы утром. Но нет. Герман Титов, а он был зампреда госкомиссии, сказал: сушите скафандры, вентилируйте, готовьте к спуску. Все пришлось делать одному, аврально. Нужно было станцию перевести в автономный полет, расконсервировать транспортный корабль, собрать шмотки, все наработанное. Последние сутки вкалывал без сна. И садились ночью. А это сложно.

РГ: Тот полет был одним из первых длительных?

Волынов: Да. Тогда мало еще знали о них и как нужно к ним готовиться. Поэтому мы "вертикальную позу" долго не могли соблюдать. Потом сразу обнаружили сердечные дела. У обоих. Потеря веса была 7 кг с лишним. Полгода не мог бегать. В общем, досталось.

Время перемен

РГ: Сейчас ЦПК стал гражданским. Перемены на пользу дела?

Волынов: Не на пользу. За пятьдесят лет нам удалось сделать мощный Центр. В 1966-м здесь появились первые жилые дома. Мы пробивали многие проблемы. Именно поэтому вот такой городок стал, который знают во всем мире, который не забывает никто, кто здесь когда-либо готовился. Включая иностранцев. Теперь Центр принадлежит Роскосмосу, а Звездный городок - области. Между собой они как бы не связаны, а это ведь нельзя разорвать. Это было единое целое.

РГ: Поэтому идут разные неурядицы? Вот недавно пожар случился в общежитии. Раньше такое могло быть?

Волынов: Не могло. Но самое главное - это потеря кадров. С переходом Центра из министерства обороны на гражданку ушли многие военные специалисты. Да, хорошие инструктора остались, но они все в возрасте: погоны сняли давно. А ведь специалистов для ЦПК ни один вуз не готовит. Приходят ребята после академий. Их подготовкой уже здесь, в Центре, всегда занимались опытные инженеры, опытные космонавты. Молодой специалист впитывал этот опыт и учился решать новые проблемы, не набивая шишек и синяков. Только через пять лет он приступал к самостоятельной работе. Эта потеря сразу не восполнима. Нужны годы.

РГ: Сергею Крикалеву, который возглавил ЦПК, будет сложно?

Волынов: Ему и сейчас сложно. У меня все-таки есть надежда на то, что через некоторое время Центр и Звездный городок вновь будут на прежнем высоком уровне.

РГ: Вы живете в той же квартире, которую получили в 1966-м?

Волынов: В той же. Рядом Валентина Ивановна Гагарина. Соседка моя по площадке. Как тогда при распределении квартир Юра спросил у меня: "Не возражаешь быть моим соседом?", а я ответил: "Давай!", так с балкона на балкон и ходили друг к другу в гости.

РГ: Как она себя чувствует?

Волынов: Нормально чувствует.

РГ: Борис Валентинович, личность очень важна в космонавтике?

Волынов: Очень. Если бы не Сергей Павлович Королев, не его талант, первый спутник наверняка был бы не наш. Спросили же у фон Брауна в Америке: "Чего вам не хватает? Деньги же выделили!" "Сергея Королева", - ответил он.